

Луи Робер

ГЕОГРАФИЯ И ФИЛОЛОГИЯ, ИЛИ ЗЕМЛЯ И БУМАГА¹

Дамы и господа участники конгресса.

Один из эллинистов, которого мы хорошо помним в нашей ассоциации, наш дорогой Деруссо, лет тридцать тому назад, перед началом войны, написал мне письмо с вопросом, не могу ли я ему объяснить одну строчку из Аполлония Родосского, а именно стих 141 во второй песни «Аргонавтики».

На побережье Пропонтиды, Мраморного моря, около Киоса нимфы похитили красавца Гила, и Геракл остается его искать. Чуть дальше Амик, царь бебриков, страшный и дикий кулачный боец, бросает вызов аргонавтам. Поллукс, умный боец, побеждает его и убивает. Затем происходит битва; герои одерживают победу, а бебрики обращаются в бегство. «Они разбегаются по Бебрикии, возвещая о судьбе Амика. Лишенные разума, они и не подозревали, что другая грозная беда подошла к ним совсем близко, ибо в отсутствие царя их дворы и деревни уже опустошались разрушительным копьем Лика и мариандинов; *ведь они всегда сражались за железозоносную землю* (ἀεὶ γὰρ μάραντο σιδηροφόρου περὶ γαίης)».

Еще дальше (II. 792–795) Аполлоний говорит о военных столкновениях бебриков и мариандинов, Амика и Лика. На южном побережье Евксинского Понта аргонавты прибывают к царю Лику, на место, где мегарянами будет основан город Гераклея Понтийская; туда, где течет река Лик, где открывается пещера, являющаяся входом в преисподнюю, и где растет ядовитый аконит; туда где прекрасная природная гавань, единственная вплоть до Синопы, дает счастливый приют кораблям, защищая их от беспощадного северного ветра, где и сегодня, как когда-то, люди ждут, пока успокоится или ослабеет шторм.

Лик и мариандины торжественно принимают героев и особенно Поллукса – как бога, который избавил их от страшного врага. Лик рассказывает, как его друг Геракл весьма внушительно расширил его царство, подчинив фригийцев, пафлагонцев и вифинцев. Но «в отсутствие Геракла, – говорит он, – бебрики и наглая свирепость Амика отняли у меня большую часть страны, отодвинув границы к влажным лугам глубоко текущего Гипия».

Итак, границей между бебриками и мариандинами служила в тот момент область нижнего течения реки Гипий, которая здесь впадает в море, придя с юга, после того как она пересекла очень красивую лесистую гряду – с лесами вроде наших, а не средиземноморских, только в их первозданном виде, – а до того прекрасную плодородную равнину с городом, который стал Прусиадой-на-Гипии, а до того был Киером. Но с другой стороны, в качестве границы между этими двумя территориями обычно фигурирует река Сангарий, современная Сакарья, в 30 км дальше на восток. Спорная земля, та, которую тогда отвоевали бебрики, являлась, таким образом, частью побережья между Сангарием и Гипием.

¹ Перевод А.В. Белоусова. Перевод выполнен при поддержке Fondation Maison de sciences de l'homme, LabEx TransferS и École normale supérieure (AOROC-CNRS, Paris).

При жизни Луи Робера текст его выступления на Конгрессе Ассоциации Гийома Бюде был опубликован дважды: Robert 1969, 67–86 и OMS IV, 383–403. Настоящий перевод выполнен по последнему изданию: Choix, 157–171 (прим. перев.).

Аполлоний Родосский подобрал два точных слова, чтобы охарактеризовать реку Гипий и ее область: βαθυρρεῖοντος ὕψ' εἰσμεναις Ὑπλοῖο. На них никогда не обращали внимания ни филологи, ни географы, кабинетные или полевые. Дело всегда ограничивалось тем, чтобы среди ссылок относительно реки Гипий вставить слова «Аполлоний, II 795», между отсылками к Скилаку, Плинию, Птолемею и другим. Стих поэта стал ссылкой, цифрой. Я не могу останавливаться сейчас на комментарии к нему, поскольку нужно быстро двигаться к тому, что я хочу показать, однако стоит сказать, что эти два слова, выбранные ученым поэтом, не являются избитыми обозначениями, банальными украшениями. Обе эти характерные черты, влажные луга и глубокое течение, я могу подтвердить, опираясь на свидетельства различных путешественников, в частности русского натуралиста Петра Чихачева² (1849 и 1850), но прежде всего благодаря прусскому штабному офицеру Вальтеру фон Дисту (1886), который представил замечательную карту этого края и описание своего маршрута. На плоской равнине, где некогда возвышался город Прусиада, у Ускюба, где неспешно протекает река Гипий, находится большое богатое рыбой озеро, с сомами, щуками и карпами, а также речка Батаксу с деревней Батаклы, имена которых указывают на болотистую местность; и здесь долгое время выращивали рис. Каждое утро равнина покрыта туманом, за исключением холма, на котором был прежде античный город. По крайней мере трое из путешественников, которые пытались пересечь эту равнину, смогли это сделать, – с проклятиями или со смирением, под дождем и в грязи, которая сильно затрудняла ход лошадей: это ориенталист и ганзейский консул в Константинополе Андреас-Давид Мордтман в 1863 г., немецкий геолог Рихард Леонхард в 1899 г. и агент английских служб Джеймс Бейли Фрейзер, который в январе 1834 г. мчался со своей миссией в Тегеран посреди зимы, не спешиваясь с лошади ни днем, ни ночью. Он, тренированный человек, который до того уже совершил длительные путешествия по Центральной Азии, говорил, что этот путь по грязи был наиболее трудным этапом его путешествия; он сравнивал упомянутую местность – и этим все сказано – с Гиляном, провинцией на южном побережье Каспийского моря. Со своей стороны, фон Дист говорил, что русло Милансу, т.е. Гипия, на равнине всегда широкое (по словам Чихачева, глубокое, широкое и медленное) сужается на севере равнины, и речной поток стремительно пересекает горы. В своем устье, согласно Чихачеву, река достигает «значительной глубины и ширины»³ (60 м в ширину по свидетельству Ксавье Оммер де Элля, которому было суждено умереть в Исфахане в 1848 г., французского инженера, мужа авантюристки Адель Оммер де Элля, чьи письма, свидетельствующие о ярком таланте и циничном уме, были опубликованы сорок лет тому назад); «ее переплывают на лодке или на плотах».

«Железоносная земля» в строке 141 была, согласно схолиасту, страной халибов, о которой Аполлоний будет подробно говорить позже. Издатель и комментатор Муни в 1912 г. повторил: «страна халибов». Это невозможно. Следует даже сказать, что это абсурдно и что, если схолиасту позволено говорить подобные вещи, сие не достойно филолога Нового времени, ученого Нового времени, который располагает средствами чтобы познакомиться с географией. Пресловутые халибы, народ кузнецов, жили, как известно, очень далеко от Гераклеи, на побережье

² Чихачев Петр Александрович (1808–1890) – русский географ, геолог и путешественник (прим. перев.).

³ Tchihatcheff P., de. *Asie Mineure. Description physique, statistique et archéologique*. Paris, 1853. P. 155 (прим. перев.).

Понта, которого можно было достичь, проплыв вдоль берега примерно 600 км. Эта страна располагалась совсем не между мариандинцами Гераклеи и бебриками вифинского полуострова, она не имеет даже никакого сколько-нибудь возможного соприкосновения ни с одним из этих народов.

Вот почему, очевидно, наш друг Деруссо и ставил передо мной этот вопрос о стране с железной рудой, к которой могла бы относиться строка из Аполлония. Поэтому я изучил труды путешествовавших в этом регионе, в частности в XIX в., тех, чьи имена я привел выше, а также других, — таких, как Эжен Боре (1838), который, завершив миссионерскую деятельность в Персии, стал верховным генералом лазаристов. В Прусиаде-на-Гиппии он слушал «весенний концерт тысячи квакающих лягушек», что еще раз поясняет нам слова «Аргонавтики» εἰαμεναι Ὑπλοιο.

Я не нашел ничего, в том числе в обильном собрании книг и брошюр, посвященных экономическим ресурсам Турции. Лишь английский геолог Эйнсворт в 1838 г. упоминал находящийся к югу за пределами Гераклеи, виденный им издалека холм, где, как ему говорили, существовал старый железный рудник. Это было, однако, уже слишком далеко на восток, уже за пределами Гиппии, почти на долготе Гераклеи.

Лет десять тому назад, во время одной из наших остановок в Стамбуле, мне потребовалось уточнить ряд вопросов относительно наличия в Турции некоторых минералов, металлов и видов мрамора. Интересуясь возможностью существования месторождений железа на вифинском побережье Черного моря, я выяснил, что в 1939 г. в этом регионе было открыто одно из важнейших месторождений. Вышедший в 1940 г. номер М.Т.А. (я дарю эту аббревиатуру тем весьма многочисленным любителям, которые охвачены страстью к сокращениям; сообщаю им, что это журнал турецкой Службы рудников, и, возможно, теперь они задумаются о пагубной роли этого помешательства на аббревиатурах, которое с самого начала ставит в изолированное положение всякую науку и область зания и таким образом облегчает их уничтожение), итак, номер М.Т.А. в двух статьях трех геологов предоставил мне следующие сведения, которые я тщательно заносю на карту.

Ровно на восток от Сакарьи, между побережьем Черного моря, которое находится примерно в 15 км к северу, и городком Хендек («Ров») на юге, возвышается горный массив Чамдаг, т.е. «Сосновая гора», по которому проходит дорога по направлению к Прусиаде, затем к Болу (античному Вифинию или Клавдиополю), родине красавца Антиноя, и Анкаре (северная дорога к Анкаре). Железорудные месторождения здесь растягиваются на 30 км. Как нам сообщают, здесь «есть два основных типа железной руды, а именно кремнистая оолитовая руда и известковая руда с окаменелостями; обе выходят на поверхность в виде оксидного соединения богатого железом». Хотя эту территорию посещали и изучали многочисленные ученые, такие, как Берг и Новак (геологи), присутствие в ее недрах оолитовой железной руды осталось незамеченным. Этот факт ускользнул также от горнодобывающих компаний, которые прямо по соседству с месторождением железа добывали олово и цинк в Карасу и Акчукуше... Если руда не обнаруживалась в современную эпоху, это, возможно, потому, что ископаемые такого рода вообще не очень видны на поверхности и потому что в данном случае руда была скрыта продуктами эрозии. Лишь в нескольких труднодоступных и покрытых густым лесом лощинах руда в скале выходит на поверхность».

Нужно ли также говорить, что наши геологи написали еще и такие слова? «Древние знали это месторождение и в небольшой степени его использовали. Свидетельством тому служат небольшие отвалы шлаков, которые постоянно обнаруживаются рядом с рудными выступами». Даже если бы эти следы древней раз-

работки остались незамеченными, локализация «железоносной земли» была бы точной. Однако эти две строчки наших геологов стали приятной неожиданностью. Таким образом, обнаруженный М.П. Вейкерслоотом 14 сентября 1939 г. карьер позволяет нам дать комментарий к строке 141 второй книги «Аргонавтики». Сегодня это месторождение выделено красным пятном в новом «Атласе Турции», изданном в Стамбуле в 1961 г. На маленькой цветной экономической карте Турции, опубликованной одним банковским объединением, где местное производство представлено забавным образом посредством фигур и предметов, к востоку от устья Сакарьи изображена вагонетка с металлом, на которой написано «demir», т.е. «железо». В статьях уточняется, что это месторождение, вероятно, было наиболее важным месторождением железа в Турции и даже превосходило месторождение в Дивриги, что на границах Каппадокии и Понта. География и филология, Земля и Бумага. Кроме того, геологическое открытие полностью убеждает в аутентичности сведений поэта. Лично у меня и прежде не было никаких сомнений в ценности этой информации, но в конце концов можно было бы спорить, придирается к «акрибии» Аполлония, предполагать некоторую путаницу. Но текст определяет место древней рудной разработки и отвалов шлака. Он датирует эту разработку не средневековой или, скажем, римской эпохой, а временем до III в. до н.э. Уже тогда ее приписывали древним местным народам этого региона.

Мы понимаем, что источник ученого поэта был хорошим, отличным. Ведь почти во всем, что он говорит об этом регионе, о Гераклее и о других областях, Аполлоний опирался на сочинения местных гераклейских историков, Нимфида и других.

Месторождение железа располагается именно там, где нам было нужно: между Сангарием и Гипием. Отныне слова Аполлония будут указывать на железо Чамдага, скрытое лесом; лесом, в котором в прежние времена металлургия все время оставляла большие вырубki ради питания ненасытных печей; лесом, который вновь восстанавливает свою жизнь, когда человек оставляет свое производство, и который вновь покрывает рудоносную почву своим защитным покровом и прячет ее.

Мы даже можем извлечь из текста Аполлония вывод относящийся к истории экономики. Историки Гераклеи Понтийской знали, что местные племена региона долго и непрерывно боролись друг с другом за землю между Сангарием и Гипием, потому что там находились железнорудные месторождения. Именно поэтому их границы перемещались от Гипия к Сангарию и от Сангария к Гипию. Стало быть, перед нами документ об экономических причинах войн в архаическую эпоху. Стало быть, упомянутые бебрики и мариандины, да, бебрики этого дикаря Амика – новое свидетельство для историков первобытности – вели войну ради удовлетворения интересов своих кузнецов, точнее их работодателей. Так заметки в М.Т.А., журнале службы рудников в Анкаре, объяснили стих Аполлония. Так стих Аполлония населяет лес Чамдага тенями воинов, тенями рудокопов и кузнецов архаической и, может быть, классической эпох!⁴

Обратимся теперь к сочинению анонимного поэта, одного из тех авторов стихотворных надписей, что вырезались на надгробиях или выставлялись в святилищах, свидетельствуя о письменной культуре и распространяя ее повсюду в античном мире. Обратимся к одной из них, весьма скромной. Направимся к Стромболи и прочтем одну надгробную эпigramму, найденную на острове Липари (античная

⁴ См. об этом с научным аппаратом главы I («Le fer des Mariandynes et les Argonautiques d'Apollonios de Rhodes») и II («Le fleuve Hypios dans les Argonautiques et le territoire de Proucias de l'Hypios vu par les voyageurs») в работе Robert 1980, 5–10, 11–128.

Липара). Эпиграмма сохранилась целиком и не вызывает никаких трудностей ни в отношении текста, ни в отношении смысла. Она множество раз воспроизводилась в разнообразных сборниках⁵:

Καππαδόκων ἔθνοὺς πολυανθέας οἶδατε ἄρουρας·
 κεῖθεν ἐγὼ φυόμεν ἐκ τοκέων ἀγαθῶν.
Ἐξέτι τοὺς λιπόμην δύσιν ἤλυθον ἥδ' ἐκαὶ ἡῶ.
 οὖνομά μοι Γλάφυρος καὶ φρενὸς εἵκελον ἦν.
Ἐξηκοστὸν ἔτος πανελεύθερον ἐξεβίωσα
 καὶ καλὸν τὸ τύχης καὶ πικρὸν οἶδα βίου.

«Вы знаете о покрытых цветами полях народа каппадокийцев. Именно там я рожден от добрых родителей. После того как я их покинул, я обошел и Запад и Восток. Мое имя Глафир и оно подходило моей душе. Я дожил, будучи совершенно свободным, до моего шестидесятого года, и я познал счастье Судьбы (Тюхэ), как и горечь жизни».

Справедливо обращалось внимание на то, что имя «Глафир», во всяком случае женское имя «Глафира», возможно, указывает на Каппадокию, поскольку здесь была хорошо известна царица Глафира. И действительно, имя Глафир засвидетельствовано в этом регионе. Однако это не единственное и не самое значимое указание на связь с Каппадокией в этом коротком стихотворении. «Вы знаете о покрытых цветами полях народа каппадокийцев. Я именно оттуда». Так начинается эпиграмма. Вероятно, это единственный случай, когда соединяются слова *πολυανθεῖς* и *ἄρουραι*. Но я не буду утверждать, что это выражение является созданием поэта, неким гапаксом. Уже в «Одиссее» (XIV. 353) известно выражение *πολυανθῆς ὕλη*. Орфический «Гимн к Гее» (XXVI. 7) чествует богиню следующими словами: «Та, что радуется, молодым благоухающим побегам со множеством цветов (*ἡδυπνόις χλόαις πολυανθέσι*)». Допустим, что красивое выражение *πολυανθεῖς ἄρουραι* могло встречаться в текстах, которые мне неизвестны, или в тех древних текстах, что в огромном количестве до нас не дошли. Но даже в этом случае я не пройду мимо этого текста, известного уже сотню лет, решив, что здесь мы имеем дело с неким *топосом*, общим местом, банальным поэтическим образом. С тех пор, как люди начали сочинять, редко бывает так, что какое-нибудь выражение является чем-то новым; это не значит однако, что в нем недостает искренности или что оно не служит точным отражением действительности. Злоупотребление суждением «это *топос*» рискует скрыть содержание мыслей и чувств. И бывает, что филолог быстро и высокомерно проходит мимо таких эпиграмм. Ведь их авторы не поэты, а стихоплеты, поэтишки, виршеслагатели, поденщики, *Graeculi*. А если вдобавок стихи плохи по меркам просодии или метрики, если они отражают эволюцию языка (οἶδατε!), то эти произведения осыпают множеством презрительных эпитетов. Может случиться, что таким образом упускаются из виду произведения важные или любопытные с точки зрения чувств, реалий, истории нравов и литературоведения.

В моем переводе не сохранен порядок слов, который почти всегда имеет существенное значение в эпиграммах, – мы это замечали постоянно в этом году в течение моего курса в Коллеж де Франс на примере сатирических эпиграмм поэта Луцилия, современника Нерона. Теперь я скажу: «Народа каппадокийцев вы знаете о полях, покрытых цветами». И мне все же не удалось поставить «каппадокийцев» в начало, хотя место этого слова имеет огромное значение. От этого слова «каппадо-

⁵ Например, Kaibel 1878, № 640; Peek 1955, № 1018.

кийцев», которое звучит в самом начале, которое выделяется и которое выступает доминантой, будут зависеть все остальные мысли и выражения.

Καίθεν ἐνὸς φυόμεν, «там моя родина, именно там я был рожден». Очевидный знак привязанности к родине, ностальгия по столь далекому отчеству. Географ хорошо понимает, что именно вспомнил на рубеже своей жизни Глафир: «покрытые цветами поля», это там, наверху, на анатолийском плато в центре полуострова, весенняя степь. Другие могут вспоминать деревья и источники на своей родине, маслины и виноградники: привычная тема средиземноморского надгробного слова, как, например, у того раба из Антиохии-на-Меандре, который на засушливом торговом Делосе, с ностальгией вспоминает в одном графито о воде и смоквах своей страны, о лесах смоковниц в долине Меандра, которые приносят «смирнские смоквы»; так уроженец Лиможа вспоминает каштаны и дубы, пруды и верещатники. Для каппадокийца, конечно, это не деревья – нет деревьев на этих голых равнинах, разве что ряды вечных ив вдоль тонких струек воды; для каппадокийца это череда полей, целинных земель и степей. На исходе долгой-долгой зимы, в течение которой дует ледяной ветер, а снег отрезает от мира деревни с домами, наполовину погребенными под его массой, где согреваются топкой лепешек или брикетов коровьего навоза, где крестьянская семья хранит всевозможные травы, чтобы прокормиться тогда, когда запасы хлеба иссякли – до того момента, как придет лето – сразу же жаркое, которое заставляет землю взвиваться столбами пыли, которое иссушает источники и колодцы; и еще пылающий свет в степи, который ранит глаза, заставляя видеть миражи и *fata morgana*, и еще мухи повсюду; между летним потом и зимним кошмаром короткая весна врывается в степь и бескрайние поля, не наша красивая неспешная весна, а весна убегающая, уже тяжело дышащая, которую гонит летний зной; весна, которая вдруг падает на землю многоцветным цветочным ковром.

«Вы знаете о покрытых цветами полях», – говорит нам Глафир, нам, которые понимают его язык, как и его современники, и которые, может быть, более внимательны к нему. Для того, чтобы понять его, чтобы узнать, что вставало перед его глазами в его воспоминаниях, мы открываем сочинения путешественников XIX и XX вв., особенно сочинения ботаников, которые побывали в степях Каппадокии и Ликаонии в это время года. Мы видим поля и степь, усыпанную травами, лилейными и лютиковыми; этот пестрый ковер из красного и желтого, белого, синего и нежно-зеленого цветов; это бесконечное колыхание маков, из которых делают сироп; пурпурный адонис («капля крови»), герань, золотая желтизна шафрана, гусиный лук («золотая звезда» у немцев), птицемлечник, шалфей, маргаритки, синие или фиолетовые тоны василька, шалфея, барвинка, незабудки или мышиного гиацинта: вся эта эфемерная красота, которая великолепнее Соломона во всей его славе и которую в начале июня сожжет солнце нагорья; не останется ничего кроме выжженной земли, быстро растрескавшейся, желтой, коричневой или охровой, между стеблями полыни, шалфея и других пахучих растений, запахи которых вдыхали уже наши первые путешественники XVI в., наш Пьер Белон из Ле-Мана и Ганс Дерншвам, спутник фламандца Бузбека, в этих бескрайних степях, так поразительно контрастирующих с маленькими островами Липари в большом море, с их культурой и их просвещенностью.

«Покрытые цветами поля народа каппадокийцев, именно здесь я рожден». Вторая строка оканчивается выражением ἐκ τοῦ ἐν ἀγαθόν, «от добрых родителей». Упадок, банальность, безыскусность, заполнение стиха? Нисколько. Это выражение связано с начальным словом «каппадокийцев», а также с выражениями в

сткк. 4 и 5. Согласно стк. 4, Глафир достойно нес свое имя; он имел утонченный и изысканный образ мыслей, был изящен. Согласно стк. 5, он прожил жизнь, будучи πανελεύθερος.

Дело в том, что слово «каппадокиец» в греческом и римском обществе указывало на неуклюжесть, тупость, невежество, грубость. Это сплошь насмешки: народы на *каппу*, народы, не заслуживающие уважения – каппадокийцы, киликийцы, критяне, карийцы. Хороший каппадокийский ритор гораздо более редкая птица, чем белый ворон или крылатая черепаха; змея умрет, укусив каппадокийца, настолько тот ядовит (тема найдет развитие); φαῦλος и каппадокиец неразрывно связаны в сатире. Те, кто по воле Фортуны во множестве попадают на Запад из Кападокии, – это рабы, глупые и сильные, рабы для грубой работы, носильщики грузов, как *hamal* в Стамбуле, пришедшие сюда с берегов Черного моря, неотесанные работяги *Karadenizli*; каппадокийцы разгружают мешки с зерном, переносят на носилках благородных дам и пузатых обжор; они служат пекарями, проводя ночи перед своей печью за приготовлением хлеба на молоке и масле для богатых покупателей; и они же – конюхи и извозчики. Когда у Апулея осла продают на аукционе, его представляют как «каппадокийца и весьма старательного», и это шутка двойного порядка, потому что Каппадокия – это родина и носильщиков и вьючных животных, ослов и мулов, а также лошадей. В Каппадокии не иссякает этот человеческий скот, слишком многочисленный для этой грубой земли; их похищают из их лачуг, из их укрытий, вырывают из их веками насиженных мест, продают целыми семьями работоторговцам, *andrapodistai*.

Таковы каппадокийцы и для италийцев и для других. Глафир заявил о своей этнической принадлежности: «народ каппадокийцев»; и затем он повторяет многочисленные «не путать с». Он не раб и не вольноотпущенник. Он рожден «от добрых родителей, в хорошей семье». Он обошел весь мир, и Восток и Запад, но не в качестве раба. Он – свободный человек, совершенно свободный. Его имя, «изящный, изысканный, вежливый» не вступает в противоречие с его характером. Он не раб и не идиот. Каппадокиец, если он благороден, если он не как все, должен заявить об этом.

Таким образом, все в этом стихотворении наполнено смыслом, намерениями и образами, пусть даже в нем есть грамматические ошибки. Мы можем обнаружить это, если примем во внимание географию Каппадокии и характер ее «диаспоры». Изучение страны путешественниками и историками оказывается ключом к толкованию литературного текста. Земля раскрывает истинное значение слов, напечатанных на бумаге в изданиях Салинаса, Кайбеля, Либертини и Пека.

Вернемся к высокой поэзии или, по крайней мере, к достаточно высокой и остановимся на одном из многочисленных пассажей Квинта Смирнского, который может прояснить география и который со своей стороны может быть полезен ей.

В первых стихах IV книги троянцы хоронят ликийского вождя Главка, сына Гипполоха – оба имени характерны для западной части Ликии и укоренены в местных традициях. Вот этот эпизод в переводе Франсиса Виана: «Но Аполлон, быстро подбежав, выхватывает его своими собственными руками из пламени костра. Затем он ввергает его стремительным Ветрам, чтобы те доставили его к пределам ликийской земли. Они тотчас уносят его в глубину долин Теландра, в приятный край. Они кладут на его тело нерушимую скалу, а нимфы по соседству заставляют бежать священную волну неиссякающей реки. Поколения людей до сих пор называют ее прекрасный поток именем Главка. Таковы почести, которые бессмертные даровали вождю ликийцев».

Теландр – город и остров – расположен где-то на западной границе Ликии, на запад от Тельмесса. Теландр нашего поэта – это горный хребет, который возвыша-

ется над ними. Его пересекает река Главк, впадающая в залив Главк, или Тельмесс. Она берет свое начало на высокой равнине, точно на севере, где некоторые помещали Теландрию, недалеко от турецкой деревни, которая носит имя Ниф, а река называется Ниф-Чай.

Начиная с Августа Шёнборна в 1842 г., трое или четверо путешественников прошли через Ниф. Шесть лет назад мы – я и моя жена – тоже поднялись сюда.

Подняться вверх по течению Главка невозможно. Долина реки очень узкая, и никто по ней не проходил. Мы отправились на джипе из Тельмесса, расположенного возле одноименного залива и называвшегося в средние века и в новое время Макри или Фетхие. После того как мы пересекли равнину Тельмесса, доехав до ее северного конца, мы начинаем подъем на эту гору по ее крутым склонам. Гора и сосновый лес совершенно безлюдны, именно таковы, какими их описывал Отто Бенндорф в области, граничащей с Карией, немного к северу⁶. Так мы, двигаясь на северо-восток, на высоту приблизительно 500 м, достигаем плато Узюмлю, «страны изюма», засаженное табаком и виноградом, но с присутствием маслин, смоковниц, миндаля, фундука, а также вносящих оживление олеандра и аврамова дерева; здесь большая горная деревня, которая изобилует водой. Древний город располагался дальше и значительно выше, на высоте примерно 1000 м. И снова лес с несколькими раскорчеванными участками, но здесь преимущественно добывают смолу. Долгая дорога ведет к руинам Кадиянды, города известного по надписям, найденным в этих местах еще Феллоусом в 1840 г.; считалось, что ни у кого из древних авторов он не упоминается. Я отыскал свидетельство о нем у Плиния (V. 101), где вместо текста, принятого со времен Возрождения «*Ascandiantalis, Amelas, Noscopium*», я обнаружил «*Cadianda, Lisa, Melanoscopium*» – без исправления чтений, но только с помощью словоразделов⁷. Отсюда хорошо обозревается – и можно сфотографировать – среди высоких ликийских гор на севере плато Узюмлю и еще дальше горная дорога, которая приведет к небольшой долине Нифа. После того, как мы вновь пересекли плато, мы проходим 10 км по поднимающейся дороге, ведущей по крутым склонам очень короткими зигзагами, сперва через рощу, затем через большой лес.

В долине Нифа повсюду источники и ручейки, использование которых подчинено четким правилам и за которыми следят деревенские власти. Повсюду здесь зелень и деревья. Повсюду свежесть кукурузы, которая здесь царствует. Мы движемся быстро в конец долины, перелезая через ограждения кукурузных полей, «туда, откуда проистекает источник». У подножия пологого холма прямо из скалы бьют пять сильных очень полноводных ключей, которые сливаются в один большой поток. Напротив огромного платана деревянная галерея между двух больших стволов, куда приходят отдохнуть и насладиться холодной водой источника. Это действительно «приятный край», *ιερὸν τοῦ ὕδρου* Квинта Смирнского.

Если поэт упомянул нимф наряду с утесом, под которым покоится Главк, это потому что прелестное место было посвящено нимфам, потому что здесь находилось святилище нимф, сельское по типу, что обычно для мест их почитания. Такое совпадение. Это подтверждается и современным турецким названием: деревня Ниф. Это название, относительно которого никто прежде не задавался вопросом, на самом деле, не является ни турецким, ни арабским, ни персидским. Это просто переданное через века без изменений греческое «Нимфы». Здесь даже нет речи об утрате носового согласного. Ведь часто бывало, что по-гречески говорили или

⁶ Ср. Robert, Robert 1954, 32–33.

⁷ Robert 1962, 161–170, ch. IX.

писали Νύφη вместо Νύμφη, как, например, и в личных именах Нимфодор, Нимфагор – очень часто, и чуть ли не регулярно в эпоху поздней античности, но уже и в надписях архаического времени, причем даже в Аттике. Именно в форме «Нифи» это имя продолжает существовать в современной топонимии Греции: на Мани, Скиросе и Лесбосе.

В той же Турции известна и другая деревня под именем Ниф, которая сохранила античный и средневековый нимфей. Она находится за пределами смирнской равнины и горного хребта, ограничивающего ее на востоке, в красивой и богатой долине, идя по которой достигаешь лидийской равнины. Городок Ниф, ныне переименованный в честь Кемаль-паши и исчезнувший из карт и из номенклатуры деревень, располагается на склоне горы, под греческой цитаделью, выложенной ровной кладкой, а на равнине возвышаются еще внушительные развалины дворца никейских императоров. Византийские тексты называют его Нимфеем. Вода, радостно журча, струится вниз быстрыми ручейками и растекается повсюду, по улицам, освежая площадь с платанами, каптажем и кафе.

У нашего ликийского Нифа не было такой известности; впрочем, и название лидийского нимфея сохранила лишь византийская эпоха, поскольку здесь находился императорский дворец. Нимфей Главка, как кажется, нигде не упомянут. Он только присутствует определенным образом в стихах Квинта Смирнского: Νύμφαι δὲ περίβλυσαν ἱερὸν ὕδωρ ἀενάου ποταμοῖο. Так современная турецкая топонимия локализует и уточняет стих нашего поэта. Она доказывает ценность его источника (это не игра слов) и связь текста, использованного Квинтом, с топографией. Квинт Смирнский, используя источники, с которыми мы знакомы только через него, равным образом сохранил для нас уникальные сказания, тесно связанные с топографией всей Малой Азии: Троада, Пафлагония, Кария с их реками и горами, а также восточная Ликия. Здесь мы видим реку, горы Теландра, источники Нимф и скалистую глыбу, λέτρην ὄρητον, под которой покоится Главк, убитый Аяксом Эакидом⁸.

Этих трех примеров, может быть, достаточно, так как время заканчивается. Я не могу сейчас приводить другие: рассказать, что эпиграммы 176–254 Григория Назианзина против осквернителей могил в VIII книге «Антологии» не являются повторяющимися вариациями, направленными против повторяющихся преступлений, или запретами и проклятиями, предназначенными для того, чтобы быть вырезанными на могильных камнях, но что в этих эпиграммах речь идет об одном и том же событии – об осквернении неким высоким чиновником, новым Геростратом, колоссальной и выдающейся постройки, гробницы Антиоха I Коммагенского на Нимруд Даге, строения, достигающего самого неба, чуда для живущих рядом и для путешествующих, творения старых времен, горы на горе, произведения гигантов⁹. Я мог бы рассказать, в какой области был убит Алкивиад – не близ Метрополя на юге Фригии, а близ Метрополя на севере Фригии, так как один текст Аристотеля, оставшийся незамеченным, говорит об оленях в районе Аргинуссы, и, таким образом, не может быть и речи о южном Метрополе, где нет ни лесов, ни деревьев вообще, а сплошные равнины и голые возвышенности. Речь должна идти о севере страны с густым лесом, где я мог бы указать вам на конические холмы белого туфа, вырастающие в этом лесу из-под земли, и давшие имя этому краю – Аргинусса. Именно здесь и водятся олени и именно потому, что дома здесь строятся целиком из дерева, а не из обожженной на солнце глины, как в южной Фригии, наемные

⁸ Ср. Robert 1980, 393–436 (ch. XVII).

⁹ Ср. Bulletin épigraphique 1970, № 619.

убийцы Фарнабаза и Багоя и подожгли дом, в котором спал Алкивиад. Доказательством служит радикальное отличие двух ландшафтов, а также маршрут Алкивиада и его начальная точка. Я мог бы рассказать, как ландшафт и путешественники прекрасно объясняют шутку адвоката Цицерона в речи Pro Flacco о «фригийце, который не видел дерева»: ведь здесь идет речь о человеке из Дорилеи, типичный пейзаж которой состоит из полей и степи без единого дерева. Я мог бы рассказать о том, что легенду о Филемоне и Бавкиде, известную нам лишь из Овидия, нельзя связывать с Фригией или даже с отдаленной Исаврией, с озером с катавотрами, но что Pelopoeia arva – это не что иное, как область у Сипила в Лидии, владения Пелопса, и что озеро, которое уничтожило деревню, оказавшуюся негостеприимной по отношению к Зевсу и Гермесу, было тем озером с заболоченным берегом у подножия скалы, где вырезано изображение «Кибелы»; сейчас оно, зацементированное со всех сторон, с помощью электронасосной станции снабжает водой город Манису, древнюю Магнесию-у-Сипила, и там под плакучими ивами стоит «казино», куда идут отдохнуть и выпить чашку кофе. Я уже достаточно сказал, чтобы сделать первый вывод о том, что Земля – это все еще Мать-Земля, которая питает наши античные штудии; что железные рудники Анатолии, степной растительный мир, демография рабства в римском мире, изложенная с точки зрения физической географии, современная топонимия – это пища филологии, основа ее питания. Чтобы понимать тексты, нужно изучать природу, ботанику, животных, сомов и уклек, рыбу-пилу и цветной мрамор, ландшафты.

Во Франции нам посчастливилось совершенно естественно дышать воздухом географической школы, великой школы со времен Видаля де ла Блаша со всеми ее великими произведениями, проникнутыми интересом к «географии человека», к осмыслению ландшафта, со всей этой прекрасной традицией ясности и восприимчивости к физическому и человеческому ландшафту от Фландрии до Пиренеев, от Атлантического побережья и долины Луары до Уазана и всех Альп, до всего нашего Средиземноморья и до Сардинии с ее пастухами и крестьянами. Разве не интересы гуманистов нашли отражение в пронизательных полемических хрониках, которые Морис Ле Ланну смело озаглавил «Переезд территории»?¹⁰

География и филология. Однако речь идет о более общем методическом аспекте. Нужно все время помнить о таком понятии, как «наука о древности», «Altertumswissenschaft». Нам недостает такого слова, чтобы выразить суть этого подхода. Но мы можем воспользоваться словом «цивилизация», в которое погружены все наши исследования: «исследование классической цивилизации» или «греко-римской цивилизации».

Это исследование во всем своем разнообразии представляет собой некое целое, некое нерасчленимое целое, и потому я встревожен тем, что можно назвать призывами к обособлению, которые звучат на ученых заседаниях. Я с беспокойством отдаю себе отчет, что это может привести к обособлению в действиях, в принятых нормах.

В течение долгого времени словом «филология» могли обозначаться все исследования античности, без ограничения предмета какой-то определенной сферой, без исключения какого бы то ни было аспекта исследования античности. У нас именно таков смысл этого слова, например, в книге Макса Бонне о филологии, изданной на исходе XIX в.¹¹ Сегодня же под филологией скорее подразумевается изучение античных текстов.

¹⁰ Le Lannou 1967 (*прим. перев.*).

¹¹ Bonnet 1892 (*прим. перев.*).

Это изучение – ядро и первооснова нашей Ассоциации. Ведь она была создана, как мы помним, ради публикации произведений греческих и латинских авторов. Именно это было смыслом существования нашей организации. Однако мы не сводим нашу роль к установлению древних текстов в их первоначальном виде посредством тех строгих методов, перед которыми мы все снимаем шляпу. Лично я, пожалуй, не считаю, что ради будущего нашей Ассоциации и роста ее влияния следует признать приоритетным направлением переводы в серии карманных книг. Несмотря на это, поверьте, я весьма озабочен тем, чтобы наука могла оказывать влияние и была доступна для всякого желающего; я сам все больше и больше перевожу; я избегаю сам и отговариваю других как от использования сокращений, которые часто служат немалым препятствием, так и от употребления бесполезных технических терминов, например, *гieron* вместо «святилище», *дикаст* вместо «судья», *буле* вместо «совет» и т.д.; я сам постоянно стараюсь пробудить толковую любознательность в кругу неспециалистов. Я знаю по собственному продолжительному опыту, что такое «страна, в которой выполняется служебная миссия», с целью изучения классических древностей. И продолжая сравнение, которое кажется мне справедливым, мы должны считать, рассуждая о наших методах изложения и убеждения, что и для науки о классических древностях Франция стала «страной, в которой выполняется служебная миссия», как впрочем, я думаю, и все остальные страны старой Европы. Я утверждаю: филология не сводится к изданиям и переводам, и даже к комментариям, но она включает в себя все, что связано с изучением языка, литературы, идей, чувств и обществ, всего того, что выражают памятники, созданные на данном языке. Надо, чтобы было изначально ясно, что неправильно ограничиваться текстами, сохранившимися в рукописях или в «литературных» папирусах, которые возвращают нам поэта Каллимаха, – потому что он поэт – или поэта Геронда. Изучение языка и лексики должно охватывать всю сокровищницу текстов, известных нам по надписям и по так называемым «документальным» папирусам. Речь не идет о том, чтобы с опаской выбирать отдельные места в этих документах, например с помощью словаря Лиддела-Скотта-Джонса, но о том, чтобы полноценно читать эти тексты, и потому каждый филолог должен научиться находить свою дорогу среди эпиграфических и папирологических сводов и объясняющих их исследований. Эти дисциплины не являются исключительным достоянием тех, кто желает подготовиться к работе в археологических школах Афин, Рима и Каира. Они не только для специалистов и мнимых специалистов. Применительно к классической древности они часть общей культуры, так как они дают нам возможность непосредственного соприкосновения с античностью. Итак, не стоит замыкаться в том, что немного смешно называется «чистой филологией», например, той, которая представлена курсом метрики или статистикой частотности и контекстов такого-то слова в таком-то произведении.

Независимо от того, как нас называть, – филологами, гуманистами, «бюдеистами», наш идеал – это понимание всей античной цивилизации. Понимать классическую цивилизацию значит писать историю, всеобъемлющую историю на основании всех свидетельств. Тот, кто стремится понять классическую цивилизацию, занимается историей классического мира. Здесь, пожалуй, надо сделать несколько замечаний.

Филология – это необходимый фундамент истории, и невозможно заниматься историей какой-нибудь страны без знания языка документов, относящихся к этой истории. Это понятно само собой. В настоящий момент перед преподавателями греческой истории в наших университетах может встать проблема, как им преподавать свою дисциплину студентам, которые не знают греческого языка. Од-

нако разумными средствами невозможно найти способ, чтобы добиться от этих «исследователей» научной работы по греческой истории даже на уровне диплома (употребляя термин недавнего прошлого). По сути это то же самое, что разбирать вопрос о том, как успешно заниматься русской историей без знания русского языка или историей Франции без знания французского. Далее, не может быть изучения греческой истории без непосредственного, умелого и полного использования всех документов, т.е., например, надписей и папирусов в той же мере, что и сочинений древних историков. Если же, осознанно или нет, свести «историю» к истории *без* надписей, папирусов и археологических памятников, и если бы историками Греции оказывались лишь те (с одним или другим дипломом или без него), кто не смог получить квалификацию эпиграфистов, папирологов или археологов, поскольку они не разбираются в этих дисциплинах, именуемых вспомогательными или, как я недавно слышал, служебными, или поскольку они слишком слабы в них, то совершенно ясно, что такой род истории никогда не будет обладать действительно научным характером. Такая история оказалась бы в тупике: квалификация в ней достигалась бы в результате уклонения от знания ряда дисциплин, а история, лишенная «специалистов», была бы чем-то вроде диалектики. Греческая история не может быть чем-то иным, кроме как историей греческой цивилизации, и обычно филологи-эллинисты, если им не чужд дух любознательности, владеют навыками научного исследования греческой цивилизации. Таким образом, было бы неразумно отождествлять, например, проблемы преподавателей древней истории с проблемами самой древней истории, «защищать область» от вторжения «классической филологии». Антинаучно для обоих профессиональных сообществ, утвердившихся, по правде сказать, волей случая, желание построить свою собственную кроличью клетку с западной для волка перед входом, желание иметь свою отдельную маленькую витрину; а после этого можно петь кантаты в честь «междисциплинарных» связей. Это было бы огромным шагом назад. Наша наука не создается складыванием кубиков, одного рядом с другими, каждый со своим футляром с красивой аббревиатурой, снабженным штемпелем, заверенным печатью, защищающим от внешних воздействий. Синтез совершается у каждого в мозгах, а для этого нужно работать – работать серьезно – следуя за документами туда, куда они нас ведут.

Исследование классической цивилизации не ограничивается письменными документами. Сюда с необходимостью входит и изучение археологических памятников, от Парфенона до глиняных черепков, а также монет, даже если на них ничего не написано. Никто не в состоянии понять античный мир, если он не видит – хотя бы в иллюстрациях – эти памятники и документы, в которых шевелится жизнь как в самых высоких, так и в самых непристойных своих проявлениях. Это, конечно, не значит, что всякий будет способен классифицировать какой-нибудь черепок в соответствии с датировкой и конкретной школой; но он будет посвящен в эту область, если посмотрит большое количество иллюстраций, почитает и пролистает страницы и, что существенно важно, он научится здравомысленно и без труда ориентироваться в массе публикаций на эту тему, чтобы уметь использовать документы подобного рода, когда они необходимы для его разысканий. С другой стороны, нужно сказать, что археология классического мира не может изолировать себя от остальных дисциплин, изучающих античный мир, в частности от филологии и от географии. В определенных кругах заметна тенденция к «ороговению». Археологи, изучающие греческую археологию, не знают греческого языка или имеют очень слабые, полузабытые представления о нем. Может показаться, что они хвастаются тем, что владеют методами описания, в которых используются только физические элементы, общие и безличные, избегающие всего, что может напомнить о Греции.

Нет, это ложный путь – полагать идеалом такое толкование находок в Греции, как будто эти находки были сделаны в стране без истории и литературы, в Папуа или на Огненной Земле. Так, например, ни одна группа предметов греческого искусства эпохи классики, включая предметы промышленного производства, не может быть понята тем, кто не знает, что такое греческий город с его институтами, с его литературой и в его географическом контексте, имеющем первостепенное значение. Конечно, не устарел и не перестал быть плодотворным тот метод, что использовал Поль Пердризе, объединяя тексты и памятники и извлекая из них живой образ цивилизации на примере археологических памятников греческого и римского Египта из собрания Фуке в книгах «Греческие бронзы» и «Греческие терракоты»¹². Какой «гуманист» может остаться равнодушным к такой археологии? Именно упадком или исчезновением знания греческого языка среди большого числа специалистов по греческой археологии объясняется сильное сокращение исследований в области изобразительной мифологии, религиозной иконографии, – столь обильных сегодня для средневековья и нового времени, так как они укоренены в стремлении познать всю в совокупности цивилизацию этой эпохи вместе с ее литературой, ее оперой и ее искусством, – да, тех самых разысканий, которые были дороги нашему покойному другу Фернану Шапутье¹³. Еще остались некоторые ученые, которые работают в этом направлении, но, кажется, наступает время, когда их перестанут понимать, а археология утратит интерес к изучению греческой религии и мифологии.

Я надеюсь, что мне удалось показать то, что география и исследование ландшафта также являются источниками знания, бессловесными, но ясными и незаменимыми. И в этом случае речь не о том, чтобы «создать команду» исследователей классической цивилизации, с тем чтобы каждый «член команды» имел свою (пользуясь выражением моего старого друга арабиста Уильяма Марсе) аккуратную выпиленную лобзиком клеточку, и присоединить к ним дипломированного географа, которого они будут вызывать, нажимая на кнопку, когда вычислят, что вторгаются в область географии. Нет, всякий эллинист и всякий латинист, занимаясь наукой, должен стоять ногами на земле, на древней земле, и направлять взор на ландшафты и книги путешественников и географов, как это, например, делал один из наших великих предшественников в XIX в. Эрнст Курциус.

Желание понять античную цивилизацию и методы, которыми этого можно достичь, соединяющие требовательность разума и проницательность чувства, страстный разум и разумную страсть. Неужели из-за того, что эти методы не уживаются с раскованным снобизмом и требуют, что называется, бенедиктинского труда, они отвергаются научным миром, а то, что нам нужно, – это налаживать информационный обмен, который, вероятно, возникает во время так называемых мультидисциплинарных диалогов через впитывание идей заодно с печеньем и виски или томатным соком?

Я скажу даже, что эти методы нельзя отвергать с человеческой точки зрения. Мы все благодарны нашему министру за то, что он почтил своим присутствием открытие нашего конгресса, оказав ему авторитетную поддержку от своего имени и от имени премьер-министра; однако, пожалуй, есть кое-что, в чем с ним можно не согласиться. Что касается меня, я могу его заверить в том, что я всегда читаю мой Новый Завет по-гречески: в опубликованном Библейским обществом малом изда-

¹² Perdrizet 1911; Perdrizet, Fouquet 1921 (*прим. перев.*).

¹³ Фернан Шапутье (Fernand Chapouthier) (1899–1953) – известный французский филолог-классик и археолог, издававший Еврипида в серии «Collection des Universités de France» и проводивший раскопки на Крите и Самофракии (*прим. перев.*).

нии Нестле, которое, пожалуй, заслуживает более других именоваться карманной книгой, – эта книга на греческом языке имеет размер 10 на 15 см; а также в том, что, будучи учеником лицея в Лиможе, хотя и в XX в., но до изобретения усовершенствованных и ускоренных методов и техник XX в., я к концу шестого класса читал по-латыни «Подражание Христу»; так же рано, как я прочел, что называется, с листа «Письма к Луцилию». Премьер-министр говорил также о трудности греческого языка для детей и справедливо добавил, «как это представляется родителям». А я часто вижу, что это не сверхъестественные существа и не редкие феномены, а дети и подростки, которые не боятся усилий, для которых трудность греческого языка, как и другие трудности, – это магнит, стимул, удовольствие. (Маленькое отступление: имея множество контактов со многими странами, я наблюдаю у детей и взрослых одно и то же отношение к французскому языку. Его не изучают, потому что он легче латинского и греческого. Его не изучают, потому что он легкий. Это психологическая ошибка, по крайней мере для европейских стран, полагаться на разработку базового курса французского языка с 300 или 400 словами.) То, что мы хотим постичь, это – язык богатой и тонкой цивилизации; никакое усилие не является здесь неприятным; всякий прогресс ощущается как обогащение, за которое мы, можно сказать, признательны языку и стране этого языка. Вот то, что я утверждаю.

Неизбежные труды не остановят молодых людей, изучающих классическую цивилизацию. Всегда будут мальчики и девочки, глаза и ум которых будут тянуться к этому свету. И будет необходимо облегчить им доступ к этому знанию, даже если они приходят к нему с опозданием, будучи дезориентированы политикой поощрения лени. Когда мы сражаемся за эту науку, ведя арьергардные бои или даже прибегая к «тактике ежа», мы сражаемся не за себя, а за молодежь, которая есть, и за молодежь, которая придет и которая услышит наши призывы изучать классическую цивилизацию в ее полноте, наш отказ от всякого обособления дисциплин, наше стремление к синтезу, который совершается в каждой голове и в каждом исследовании и который не создает никакая машина. Я закончу, снова повторяя для всех, как и шестнадцать лет назад в момент открытия Конгресса по греческой и латинской эпиграфике в Париже, эти слова святого Иоанна Креста: «Не будем измерять наши труды с нашей слабостью, но наши усилия – с нашими трудами».

Литература

1. *Bonnet M.* 1892: La philologie classique. Six conférences sur l'objet et la méthode des études supérieures relatives à l'antiquité grecque et romaine. P.
2. *Kaibel G.* 1878 (ed.): Epigrammata Graeca ex lapidibus conlecta. B.
3. *Le Lannou M.* 1967: Le déménagement du territoire: rêveries d'un géographe. Paris.
4. *Peek W.* 1955: Griechische Vers-Inschriften. I. B.
5. *Perdrizet P.* 1911: Bronzes grecs d'Égypte de la collection Fouquet. P.
6. *Perdrizet P., Fouquet D.M.* 1921: Les terres cuites grecques d'Égypte de la collection Fouquet. Nancy–Paris.
7. *Robert L.* 1962: Villes d'Asie Mineure. P.
8. *Robert L.* 1969: Géographie et philologie ou la terre et le papier // Actes du VIIIe Congrès de l'Association Guillaume Budé, 1968. P., 67–86.
9. *Robert L.* 1980: À travers l'Asie Mineure. P.
10. *Robert J., Robert L.* 1954: La Carie. Histoire et géographie historique avec le recueil des inscriptions antiques. Vol. II. P.